

Д. А. Рыбченко

Dimonich89r@yandex.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА СССР, США И КНР

В статье проводится сравнительный анализ аграрных реформ, осуществленных в трех различных политико-экономических системах XX века: Новой экономической политики (НЭП) в Советской России, «Нового курса» Франклина Д. Рузвельта в США и политики реформ и открытости Дэн Сяопина в Китае. Рассматриваются предпосылки, ключевые механизмы и результаты преобразований в сельском хозяйстве. Автор приходит к выводу, что, несмотря на кардинальные идеологические различия, все три реформы были вызваны глубоким кризисом в аграрном секторе и основывались на прагматическом подходе, направленном на восстановление индивидуальной хозяйственной инициативы и материальной заинтересованности производителя как ключевого фактора для преодоления кризиса и обеспечения национальной стабильности.

Ключевые слова: аграрный вопрос, НЭП, Новый курс, реформы Дэн Сяопина, сельское хозяйство, крестьянство, продналог, Акт о регулировании сельского хозяйства, система семейной ответственности, экономические реформы.

Двадцатый век стал ареной столкновения великих идеологий и экономических моделей, в центре которого неизменно находился фундаментальный аграрный вопрос. В обществах, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения, как в постреволюционной России и коммунистическом Китае, или же являлось важнейшей социально-экономической силой, как в США времен Великой депрессии, состояние сельского хозяйства было прямым индикатором стабильности государства. Глубокий кризис в аграрной сфере, вызванный провальной политикой «военного коммунизма», разрушительным кризисом перепроизводства или последствиями утопических экспериментов «культурной революции», неизбежно становился критической угрозой для самой государственности. В этом контексте сравнительный анализ аграрных преобразований в рамках НЭПа, «Нового курса» и реформ Дэн Сяопина представляет собой уникальную возможность для выявления универсальных принципов антикризисного управления. Несмотря на то, что эти реформы проводились в странах с диаметрально противоположными политическими системами, они демонстрируют поразительное сходство в своей отправной точке: признании невозможности дальнейшего развития без решения крестьянского вопроса и восстановления материального стимула для сельскохозяйственного производителя.

Новая экономическая политика, провозглашенная в марте 1921 года, была не стратегическим выбором, а актом политического выживания. Политика «военного коммунизма», и в особенности продразверстка – система насильственного изъятия всех «излишков» продовольствия, – привела к полному разрушению производственных стимулов, сокращению посевных площадей и массовым крестьянским восстаниям. Как отмечает В. В. Кондрашин, к 1921 году сложилось «глубоко враждебное отношение к власти» крестьянства, что поставило под угрозу само существование советского государства [1]. Ключевой мерой НЭПа стала замена продразверстки фиксированным продналогом. Эта мера была революционной: налог был меньше, объявлялся заранее, а все, что оставалось после его уплаты, поступало в полное распоряжение крестьянина. Это, вместе с разрешением частной торговли и долгосрочной аренды земли, немедленно возродило рыночные отношения и дало мощный толчок восстановлению сельскохозяйственного производства, которое уже к 1925 году достигло

довоенного уровня. Государство, по сути, отступило от прямого насилия, перейдя к экономическому регулированию. Однако этот переход к рынку был далеко не гладким и почти сразу выявил фундаментальное структурное противоречие советской экономики. Промышленность, находившаяся в руках государственных трестов, восстанавливалась медленнее сельского хозяйства и страдала от неэффективности, что вело к высоким ценам на промышленные товары. В то же время быстрый рост сельскохозяйственного производства привел к падению цен на продовольствие. Этот ценовой диспаритет, получивший название «кризис ножниц цен», стал главной экономической проблемой НЭПа. Для крестьянина становилось невыгодно продавать хлеб, чтобы купить плуг или ситец. В ответ деревня начала сокращать товарность, потребляя больше внутри хозяйства и придерживая излишки. Это напрямую угрожало продовольственному снабжению городов и планам индустриализации, которые требовали экспорта зерна для закупки иностранного оборудования. Данный кризис был не просто рыночной флуктуацией, а прямым столкновением интересов аграрного сектора и государственной промышленности. Он обнажил ключевой вопрос, который так и не был решен в рамках НЭПа: как обеспечить накопление капитала для индустриализации, не разрушая при этом хрупкий экономический союз с крестьянством. Однако НЭП породил глубокие внутренние противоречия. «Кризис ножниц цен» 1923 года, когда возник колоссальный диспаритет между дорогими промтоварами и дешевой сельхозпродукцией, угрожал новым разрывом «смычки» города и деревни. Более опасным было идеологическое противоречие: экономическая либерализация привела к социальному расслоению в деревне и появлению зажиточных крестьян («кулаков»), что воспринималось значительной частью партии как реставрация капитализма. Как отмечал А. А. Васильев, в нэповской деревне проявилось сопротивление крестьянства государственным хлебозаготовкам по твердым ценам, что в конечном итоге и стало одной из причин сворачивания политики [5]. Кризисы хлебозаготовок 1927–1928 годов стали для Сталина поводом для окончательного отказа от НЭПа и перехода к насильственной коллективизации. Аграрная реформа, спасшая страну от коллапса, была уничтожена, как только она породила экономические силы, неподконтрольные тоталитарной политической системе.

По другую сторону идеологического спектра, в США «Новый курс» Рузвельта также начался с экстренного решения аграрного кризиса. Американские фермеры страдали от хронического кризиса перепроизводства, усугубленного финансовым коллапсом. Как отмечают А. З. Астапович и Л. М. Григорьев, длительный аграрный кризис начался еще в 1920-х годах, когда послевоенное восстановление Европы обрушило спрос на американское продовольствие [2]. Механизация и долговая нагрузка привели к тому, что к началу 1930-х цены на сельхозпродукцию катастрофически упали. Ситуацию усугубила беспрецедентная экологическая катастрофа – «Пыльный котел» (Dust Bowl), превратившая миллионы акров земли в пустыню и вызвавшая массовую миграцию разоренных фермеров. Ответом администрации Рузвельта стал принятый в мае 1933 года Акт о регулировании сельского хозяйства (AAA). Его механизм был парадоксален, но логичен: главной целью было поднять цены за счет сокращения предложения. Правительство начало выплачивать фермерам прямые субсидии за добровольное сокращение посевных площадей и поголовья скота. Эта политика, хотя и вызывала споры, достигла своей цели: к 1936 году доходы фермеров выросли почти на 50 %. «Новый курс» в деревне был комплексным: создавались корпорации по кредитованию, проводилась электрификация сельских районов, реализовывались программы по сохранению почв. Тем не менее, политика имела и свои противоречия. Субсидии получали в основном землевладельцы, которые, сокращая посевы, массово сгоняли с земель арендаторов и издольщиков, усугубляя их положение. И все же, в целом, «Новый курс» стабилизировал американское фермерство, превратив государство в активном и постоянном регуляторе аграрного рынка.

Спустя полвека Китай под руководством Дэн Сяопина столкнулся с кризисом тотальной неэффективности, порожденным маоистской моделью. Система «народных

коммун», где труд и распределение были полностью обобществлены, уничтожила личную заинтересованность крестьян, что привело к стагнации производства и хронической нехватке продовольствия. Как отмечает В. Я. Портяков, ослабление коллективного сектора стало ключевым элементом рыночной трансформации в КНР [3]. Реформа Дэн Сяопина началась в конце 1970-х годов не сверху, а с инициативы крестьян деревни Сяоган, тайно разделивших общинную землю. Увидев ошеломляющий результат, руководство распространило эту практику под названием «система семейной ответственности» на всю страну. Коммуны были распущены, а земля передавалась в долгосрочную аренду крестьянским семьям. Семья заключала с государством контракт, обязуясь сдать норму продукции по фиксированным ценам, но всеми излишками могла распоряжаться по своему усмотрению, продавая их на свободном рынке. Этот «двухколейный» подход создал мощнейший рыночный стимул. За несколько лет Китай превратился из импортера продовольствия в самодостаточную страну. Колоссальный рост производительности в аграрном секторе высвободил миллионы рабочих рук и капитал, которые стали топливом для бурного роста сельских предприятий (TVEs) и последующей промышленной революции. В отличие от советской модели, китайская индустриализация началась не с выкачивания ресурсов из деревни, а с ее обогащения.

Сравнивая эти три модели, можно выделить общие закономерности. Во-первых, роль государства: в рамках НЭПа оно *отступало*, допуская рынок; в США оно *вмешивалось*, спасая рынок; в Китае оно *оркестрировало* управляемый демонтаж коллективной системы. Однако во всех случаях государство прагматично использовало свои рычаги для создания условий эффективной работы производителя. Во-вторых, роль рынка: в СССР он *создавался* заново, в США *спасался* от коллапса, в Китае *допускался* в плановую экономику. В-третьих, фундаментальной основой успеха стало возвращение к базовой экономической единице: крестьянскому двору, частной ферме, крестьянской семье. Это подтверждает тезис о неэффективности крупных бюрократических структур в сельском хозяйстве. Анализ Н. П. Макарова, противопоставлявшего трудоинтенсивный Китай и капиталоемкие США, помогает понять эту логику: реформы Дэна высвободили потенциал первого типа хозяйства, а «Новый курс» спасал второе от кризиса перепроизводства [4]. Наконец, судьба реформ оказалась различной: НЭП был свернут насильственно, политика «Нового курса» институционализировалась, а китайская аграрная реформа стала лишь первым этапом непрерывных преобразований.

Таким образом, аграрный вопрос действительно стал точкой отсчета для трех великих реформаторских проектов XX века. Проведенный анализ показывает, что история этих реформ является триумфом прагматизма над идеологической догмой. Ленин, Рузвельт и Дэн Сяопин продемонстрировали способность пойти наперекор господствующей доктрине ради предотвращения государственного коллапса. Все три случая неопровержимо доказывают, что устойчивое развитие сельского хозяйства невозможно без создания системы, в которой непосредственный производитель напрямую и материально заинтересован в результатах своего труда. Восстановление этой фундаментальной связи между усилием и вознаграждением стало тем «спусковым крючком», который запустил механизм восстановления. Опыт этих реформ демонстрирует сложную диалектическую взаимосвязь между государством и рынком, доказывая, что успех заключается не в выборе между планом и рынком, а в способности найти их оптимальную комбинацию, адекватную текущим задачам. Наконец, урок этих великих аграрных реформ заключается в том, что экономические преобразования неразрывно связаны с глубокими социальными и политическими последствиями. Кратковременность НЭПа, долговечность «Нового курса» и перманентность китайских реформ показывают, что конечная судьба экономических преобразований решается не в полях, а в коридорах власти, и зависит от того, сможет ли политическая система адаптироваться к новой экономической реальности, которую она сама же и породила. Этот урок остается в полной мере актуальным и для вызовов, с которыми мир сталкивается в XXI веке.

Литература

1. Кондрашин, В. В. Политика «лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? // Исторический курьер. – 2022. – № 4 (24). – С. 80–92.
2. Астапович, А. З., Григорьев Л. М. Великая депрессия и реформы Ф. Д. Рузвельта: Уроки выхода из кризиса для наших дней // Очерк социально-экономического анализа № 1, департамент мировой экономики НИУ ВШЭ. декабрь 2020 года. – 70 с.
3. Портяков, В. Я. Экономическая реформа в Китае (1979–1999) / РАН. Ин-т Дал. Востока. – М., 2002. – 177 с.
4. Макаров, Н. П. На великом распутье. Опыт сравнительного анализа эволюции сельского хозяйства Китая, Соединенных Штатов Северной Америки, СССР, Западной Европы // Крестьянский интернационал. – 1925. – № 1–2. – С. 61–75.
5. Васильев, А. А. Аграрно-продовольственная политика НЭПовского периода и современность // Вестник СГСЭУ. – 2007. – №5 (19). – С. 130–133.